Политико-культурное значеніе манифеста 17 октября 1905 года.

Манифестъ 17 октября 1905 г. принадлежитъ къ числу тѣхъ хартій вольностей, которыя намъ такъ извѣстны изъ культурно-политической исторіи западно-европейскихъ государствъ. Во всей предшествовавшей исторіи Россіи мы напрасно стали бы искать законодательнаго акта, который имѣлъ бы такой же характеръ и такое же значеніе, какъ манифестъ 17 октября, что, въ свою очередь, объясняется, конечно, тѣмъ, что въ началѣ XX столѣтія Россія вступила въ ту фазу своей политической исторіи, при которой изданіе хартіи вольностей не только стало возможнымъ, но и необходимымъ. Манифестъ 17 октября является для Россіи величайшимъ законодательнымъ актомъ. Это величіе его заключается въ признаніи со стороны монархической власти своевременности и необходимости привлеченія къ участію въ государственной власти представителей народа; это исходный моментъ обобществленія государственной власти въ Россіи послѣ нѣсколькихъ вѣковъ господства неограниченнаго самодержавія. Мы называемъ манифестъ 17 октября хартіей вольностей не потому, чтобы онъ создалъ политическую и гражданскую свободу, чего въ дѣйствительности и не было и что должно завершиться лишь въ дальнѣйшемъ движеніи русской жизни, но потому, что какъ по своей основной идеѣ, такъ и по своему содержанію онъ очень напоминаетъ тѣ акты, которые въ Западной Европѣ получили названіе хартій и, въ частности, хартій вольностей и конституціонныхъ хартій. Содержаніе ихъ характеризуется двумя главными моментами: признаніемъ необходимости участія народа въ законодательствѣ и установленіемъ гарантій гражданской свободы. Тотъ и другой моменты совершенно опредѣленно выражены въ манифестѣ 17 октября; но манифестъ идетъ, какъ извѣстно, и далѣе, говоря о народномъ контролѣ за дѣятельностью администраціи и общемъ избирательномъ правѣ, что объясняется уже знакомствомъ законодателя съ опытомъ другихъ народовъ въ этой области.

Такъ какъ политическая эволюція есть не что иное, какъ процессъ психическихъ взаимоотношеній между правящими общественными группами и классами, политически неорганизованными, то такой актъ, какъ манифестъ 17 октября, свидѣтельствуетъ о происшедшемъ въ этомъ процессѣ радикальномъ переворотѣ въ смыслѣ признанія со стороны господствовавшей власти необходимости допущенія къ участію во власти политически неорганизованныхъ классовъ общества. Хотя манифестъ и не явился актомъ свободной самодовлѣющей власти, будучи, какъ сказано, результатомъ психическихъ общественныхъ взаимоотношеній, все же значеніе его какъ акта, непосредственно исходящаго отъ монархической власти, отъ этого не умаляется; напротивъ, намъ думается, что въ этомъ именно отношеніи манифестъ 17 октября долженъ былъ получить огромное политико-культурное значеніе для народныхъ массъ. Чтобы признать правильность этого заявленія, надо принять во вниманіе два обстоятельства: дореволюціонный взглядъ народа на царя какъ носителя самодержавной власти и характеръ участія народа въ общественномъ движеніи 1905 г. Взглядъ широкихъ народныхъ массъ на царскую власть достаточно извѣстенъ: глубокая вѣра въ святость этой власти, въ ея неустанныя заботы о благѣ народномъ, непріязнь народа ко всякаго рода бюрократіи, не оправдывающей царскаго довѣрія, заслоняющей царя отъ народа, — все это въ свое время выливалось въ рельефныя формы; царь и народъ — вотъ два понятія, гармонически сливавшіяся въ народномъ сознаніи; но соотвѣтствовавшія имъ явленія дѣйствительной жизни находились въ разобщенномъ состояніи. Устранить причину этой разобщенности всегда было искреннимъ желаніемъ народа. Съ другой стороны, участіе народа, въ особенности сельскаго населенія, въ общественномъ движеніи 1905 г. носитъ особый характеръ: это полустихійное движеніе противъ землевладѣльческаго класса и бюрократіи. Вотъ эти два обстоятельства — искони сложившаяся вѣра въ непререкаемый авторитетъ царской власти и характеръ народнаго движенія, предшествовавшаго изданію манифеста, не столько политическій, сколько экономическій, — объясняютъ намъ, почему манифестъ долженъ былъ получить огромное политико-культурное значеніе. Манифестъ, изданный отъ имени монарха, идетъ навстрѣчу вѣковымъ чаяніямъ русскаго народа — устранить бюрократическое средостѣніе между царемъ и народомъ путемъ образованія народнаго представительства. То, что зрѣло въ тайникахъ народнаго сознанія, претворилось въ жизнь актомъ монарха; народъ, выросшій въ вѣрѣ въ авторитетъ царской власти, съ такой же вѣрой

долженъ былъ принять и манифестъ, какъ основаніе политической свободы. Манифестъ въ глазахъ многомилліоннаго сельскаго населенія не умалялъ и не ограничивалъ царской власти, но устанавливалъ лишь единеніе между народомъ и монархомъ. Политическая сторона общественнаго движенія, продуманная и прочувствованная русской интеллигенціей и тѣми общественными группами, которыя начали уже жить идейной жизнью и идейными интересами, почти не коснулась народнаго сознанія; протестуя противъ экономическаго и административнаго гнета, народъ не стремился къ какимъ-либо ограничительнымъ цѣлямъ. Стремясь устранить лишь экономическое и административное средостѣніе и не возвышаясь сознательно до идеи конституціонализма, народъ приходитъ къ ней незамѣтно, органически, путемъ достиженія того единенія съ монархомъ, которое всегда было его завѣтнымъ стремленіемъ. Если въ другихъ общественныхъ кругахъ манифестъ по временамъ могъ вызывать сомнѣнія, недовѣріе и критику, то ничего подобнаго не могло быть въ народныхъ низахъ, гдѣ, въ крайнемъ случаѣ, могло возникнуть лишь недоумѣніе, а еще скорѣе сомнѣніе въ своей способности понимать происходившія событія; но самый манифестъ, написанный простымъ и яснымъ языкомъ, не вызывалъ никакихъ сомнѣній, давая лишь почву для развитія политическаго сознанія народа.

Манифестъ 17 октября, по своему содержанію, является весьма замѣчательнымъ. Во всемъ своемъ цѣломъ онъ является выраженіемъ морально-политическаго сознанія господствовавшей власти. Политическій строй слагается не по какимъ-либо требованіямъ этики, но по причинамъ и условіямъ реальной жизни, гдѣ главную роль играетъ борьба чувствъ и страстей, классовый эгоизмъ, если такъ можно выразиться, стремленіе однихъ классовъ господствовать надъ другими. Политическій строй въ концѣ концовъ есть результатъ соотношенія общественныхъ силъ, который въ теченіе вѣковъ многообразно видоизмѣняется; наука успѣла съ достаточной наглядностью установить картину этихъ видоизмѣненій, которая въ крупныхъ очертаніяхъ является одинаковой для огромнаго большинства европейскихъ государствъ; повидимому, можно считать общепризнаннымъ эмпирическій законъ политической эволюціи, заключающійся въ интеграціи и дифференціаціи общественной власти. Многочисленныя и разнообразныя общественныя власти первыхъ вѣковъ существованія европейскихъ государствъ постепенно интегрируются, пока не образуется единая власть въ лицѣ абсолютныхъ государей, какъ представителей класса крупныхъ землевладѣльцевъ; затѣмъ внутри организованной власти начи-

нается постепенный процессъ дифференціаціи, обобществленія и демократизаціи власти, что въ конечномъ результатѣ приводитъ къ конституціонно-правовому и республиканскому государству. Эта идея политическаго прогресса не чужда сознанію правящаго класса періода абсолютизма; и въ опредѣленные моменты политической исторіи, при нѣкоторой долѣ обостренія общественныхъ отношеній, господствующая власть не только возвышается до сознанія этой идеи, но и всенародно признаетъ ее лозунгомъ и принципомъ своей дѣятельности, хотя бы этотъ принципъ и противорѣчилъ исторически развившимся и упрочившимся классовымъ интересамъ господствующей власти. Все это вполнѣ подтверждается и манифестомъ 17 октября 1905 г.

Политическіе принципы, выраженные въ манифестѣ 17 октября, это—принципы политической и гражданской свободы, къ осуществленію которыхъ идутъ всѣ культурные народы. Привлеченіе представителей народа къ участію въ государственной власти, врученіе народу, въ лицѣ его представителей, реальнаго контроля за дѣятельностью органовъ управленія, обезпеченіе дѣйствительной неприкосновенности личности — вотъ начала, признанныя манифестомъ и всенародно возвѣщенныя съ высоты престола; если эти начала до сихъ поръ недостаточно полно осуществлены, то это находитъ свое объясненіе въ условіяхъ жизни, въ живучести стараго режима, въ борьбѣ партій и классовъ; но это не умаляетъ манифеста въ отношеніи идейнаго его содержанія и какъ акта, исходящаго отъ царской власти; манифестъ, какъ хартія свободы, остается незыблемымъ; содержащіяся въ немъ великія начала сдѣлались достояніемъ народной психики, вошли въ народное сознаніе, милліоны русскихъ людей ознакомились съ этими идеями, благодаря чему должно было пойти ускореннымъ темпомъ и развитіе политическаго сознанія народа. Такое культурно-психологическое вліяніе манифеста, разумѣется, трудно учесть, опредѣлить сколько-нибудь точно его размѣры и скорость движенія; но что этотъ политико-психологическій процессъ, подъ вліяніемъ манифеста и сопутствовавшихъ ему явленій, совершается и рано или поздно дастъ хорошіе результаты, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Однако, для различныхъ круговъ и слоевъ населенія вліяніе манифеста не было одинаковымъ. Для тѣхъ круговъ интеллигенціи, которые воспитались въ чувствѣ законности и дѣятельность которыхъ проявлялась въ постоянномъ соприкосновеніи съ требованіями закона, манифестъ долженъ былъ получить большое юридическое значеніе, въ частности, вызвать усиленную законотолковательную работу, въ смыслѣ примиренія и согласо-

ванія съ манифестомъ старыхъ законовъ. Для всей администраціи, воспитанной на началахъ стараго бюрократическаго и авторитативнаго режима, манифестъ поставилъ трудную проблему —приспособленія старыхъ формъ и способовъ управленія къ новымъ государственнымъ началамъ; для господствующихъ сословій — дворянскаго — землевладѣльческаго и промышленнаго капиталистическаго манифестъ создалъ новый кругъ идей гражданской свободы и равенства, сознаніе неизбѣжной необходимости отказаться отъ вѣками усвоеннаго привилегированнаго положенія и привычки властвовать надъ неорганизованными низшими слоями населенія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ и отношеніяхъ мы констатируемъ культурно-психологическое вліяніе манифеста 17 октября и сопутствовавшихъ ему законодательныхъ актовъ, а равно проведенныхъ подъ его воздѣйствіемъ политическихъ и административныхъ реформъ. Между прочимъ, это ясно обнаруживается въ той грандіозной и планомѣрной общественной и всенародной организаціи, которая направлена на матеріальную и техническую помощь дѣйствующей арміи; небывалый общественный подъемъ можетъ объясняться сознаніемъ грозящей опасности и широко развитымъ чувствомъ національнаго достоинства, но способность быстро организоваться есть уже несомнѣнный результатъ психологической работы, незримо происходившей въ тайникахъ народнаго сознанія.

Останавливаясь, въ частности, на отдѣльныхъ положеніяхъ манифеста, нельзя не видѣть, что каждое изъ нихъ въ отдѣльности должно было давать богатую пищу уму, стремящемуся къ политическому самосознанію. Воспитанное на началахъ бюрократическаго усмотрѣнія, на дѣлѣ убѣждавшееся весьма часто въ отсутствіи у чиновниковъ чувства уваженія къ человѣческому достоинству и признанія принципа личной неприкосновенности, русское общество, вѣря въ святость царскаго слова, не могло не проникнуться живѣйшей радостью, узнавши изъ манифеста, что на правительство была возложена обязанность выполнить волю монарха относительно дарованія населенію незыблемыхъ основъ гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и печати. Здѣсь въ немногихъ словахъ выраженъ весь кодексъ гражданской свободы, и эти многообѣщающія и содержательныя слова должны были оказать могущественное вліяніе на политико-психологическую эволюцію массъ. Съ нетерпѣніемъ ждали осуществленія выраженной воли монарха; и дѣйствительно реализація въ жизни нѣкоторыхъ изъ выраженныхъ въ манифестѣ положеній не заставила

себя долго ждать: расширеніе свободы вѣры, отмѣна предварительной цензуры, допущеніе на болѣе широкихъ, нежели ранѣе, основаніяхъ общественныхъ союзовъ и собраній — все это явленія новой жизни, оспаривать наличность которыхъ было бы безполезно. Пылкіе умы, теоретики идеализма, чуждые сознанія строгой закономѣрности въ развитіи общественныхъ явленій, были разочарованы полумѣрами политическихъ реформъ, желая получить все сразу, но жизнь, не отрицая святости и возвышенности идеаловъ, идетъ къ достиженію ихъ сложными и тернистыми путями. Въ самомъ дѣлѣ, все, что было осуществлено въ исполненіе манифеста, осталось почти безъ всякаго дальнѣйшаго движенія въ теченіе прошедшихъ десяти лѣтъ, а реализація начала неприкосновенности личности и до сихъ поръ заставляетъ себя ждать. Это, разумѣется, печально и должно удручать общество, предъ которымъ идеалъ политической и гражданской свободы былъ уже очерченъ ясными штрихами рукою самого монарха. Но что значитъ десять лѣтъ въ тысячелѣтней исторіи Россіи?! Общество, жившее сотни лѣтъ въ условіяхъ политической неволи, не можетъ въ нѣсколько лѣтъ сдѣлаться политически свободнымъ, не въ силахъ освоиться съ новыми формами жизни и не въ состояніи разомъ и рѣшительно освободиться отъ политическихъ и административныхъ путъ, которыя въ теченіе вѣковъ связывали его свободу; исторія любого государства это подтверждаетъ. Но чѣмъ труднѣе процессъ развитія новыхъ формъ жизни, тѣмъ прочнѣе и совершеннѣе онѣ слагаются, ибо препятствія являются величайшими стимулами психологической работы, а чѣмъ интенсивнѣе эта работа, чѣмъ глубже народная психика проникаетъ въ область вопросовъ политической и гражданской свободы, чѣмъ сильнѣе разгорается желаніе воспользоваться благами этой свободы, тѣмъ прочнѣе и совершеннѣе будутъ начала и формы этой свободы послѣ ея пріобрѣтенія.

Къ числу положеній манифеста, которыя могли породить преувеличенныя надежды, принадлежитъ положеніе о допущеніи къ политическимъ выборамъ всѣхъ классовъ населенія и объ установленіи, слѣдовательно, общаго избирательнаго права, а равно и указаніе на то, что дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права должно быть предоставлено самимъ законодательнымъ учрежденіямъ. Мы знаемъ, что многія государства, давно уже живущія конституціонной жизнью, не имѣютъ общаго избирательнаго права и что то общее избирательное право, которое существуетъ въ наиболѣе передовыхъ государствахъ, все еще очень далеко отъ идеала. Общее избирательное право въ Россіи, воз-

вѣщенное въ принципѣ манифестомъ 17 октября и осуществленное указомъ 11 декабря 1905 г., есть лишь слабая попытка проведенія указаннаго принципа и притомъ исключительно въ городахъ; многомилліонная масса крестьянскаго населенія не пользуется выгодами общаго избирательнаго права. Но и въ городахъ примѣненіе этого принципа парализуется раздѣленіемъ избирателей по куріямъ, переносящее весь центръ тяжести избирательной системы на землевладѣльческій классъ, который и является господиномъ положенія въ структурѣ нашихъ законодательныхъ учрежденій. Впрочемъ, въ этомъ виноватъ уже не манифестъ 17 октября, но избирательный законъ 3 іюня 1907 г., ставшій въ непримиримое противорѣчіе съ манифестомъ. Законъ 3 іюня 1907 г. не только умалилъ принципъ всеобщности избирательнаго права, но и нанесъ сильный ударъ другому установленному манифестомъ положенію— о правѣ законодательныхъ учрежденій измѣнять избирательную систему, ибо законъ 3 іюня былъ изданъ, какъ извѣстно, безъ участія народныхъ представителей. Все это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что манифестъ 17 октября, столь проникнутый истинными началами политической и гражданской свободы, осуществлялся въ реальныхъ условіяхъ жизни. Кристально чистыя политическія идеи манифеста измѣняются, искажаются и затемняются въ борьбѣ старыхъ началъ съ новыми, въ борьбѣ за власть, за политическое и экономическое преобладаніе исторически ранѣе организовавшихся классовъ надъ классами общественно-политически неорганизованными или полуорганизованными. Но начала общаго избирательнаго права, выраженныя въ манифестѣ и затемненныя въ жизни, несомнѣнно, проникли уже въ толщу народнаго сознанія, психологическая работа продолжается, и, вѣроятно, недалеко уже то время, когда политическое вліяніе изъ рукъ аграрнаго класса перейдетъ въ руки представителей болѣе широкихъ народныхъ круговъ и когда, слѣдовательно, будутъ осуществлены выраженныя въ манифестѣ начала общаго избирательнаго права.

Великій принципъ единства законодательства былъ категорически высказанъ въ манифестѣ 17 октября. Какое ободряющее и освѣжающее вліяніе на умы должны были оказать слова манифеста: «установить какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы». Слова манифеста не внушаютъ никакихъ сомнѣній; они ясны и категоричны; закономъ должно считаться только то, на что выразили свою волю и согласіе народные представители. Но и здѣсь политическая борьба противоположныхъ началъ — монархически-бюрократическаго и народнаго — наложила свою тяжелую

руку. Выраженный въ манифестѣ принципъ единства законодательства за истекшія десять лѣтъ не получилъ надлежащаго осуществленія и какъ въ основныхъ законахъ 23 апрѣля 1906 г., такъ и въ позднѣйшихъ актахъ былъ значительно ослабленъ развившейся двойственностью законодательства, при которой одни законы стали издаваться на основаніи стараго самодержавнаго режима, другіе при участіи народныхъ представителей; въ силу этого долженъ былъ умалиться самый авторитетъ закона. Пусть все это такъ, — манифестъ 17 октября все же является тѣмъ политическимъ свѣточемъ, который озаряетъ въ этой борьбѣ путь, ведущій къ единому монархически-народному законодательству. Идея участія народа въ законодательствѣ и ранѣе не была чуждой народному сознанію; практика земскихъ соборовъ московскаго періода даетъ намъ примѣръ реализаціи этой идеи; но теперь идея народнаго законодательства должна была облечься въ новыя болѣе совершенныя формы, чуждыя сословности и проникнутыя единствомъ равнозначащихъ началъ — монархическаго и народнаго.

Не менѣе глубокое культурно-политическое вліяніе на умы должна была оказать выраженная въ манифестѣ идея народнаго контроля за закономѣрностью дѣятельности администраціи. Широкія народныя массы можетъ быть не могутъ возвышаться до теоретическихъ построеній парламентскаго контроля и министерской отвѣтственности; но горькая практика жизни научила ихъ чувствовать и понимать всю неизмѣримую тяготу приказнаго управленія, сознавать и тысячу разъ убѣждаться въ незакономѣрности дѣйствій высшихъ и мѣстныхъ властей, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, въ тайникахъ своего сознанія лелѣять мечту о наступленіи когда-нибудь золотого вѣка законности и правды. Частновладѣльческій характеръ администраціи съ его многообразными эксцессами составлялъ многовѣковое зло русскаго народа, съ которымъ неустанно боролась государственная власть, но которое, подобно стоглавой гидрѣ, не только не уменьшалось въ своихъ размѣрахъ, но еще болѣе умножалось и распространялось. Все это подтверждается многочисленными челобитными по поводу злоупотребленій приказныхъ людей, съ одной стороны, и множествомъ царскихъ указовъ, тщетно грозившихъ опалой и тягчайшими наказаніями приказнымъ разорителямъ и притѣснителямъ, съ другой. Въ виду этого перенесеніе контроля за администраціей изъ рукъ высшихъ правительственныхъ учрежденій въ руки народныхъ представителей, возвѣщенное манифестомъ 17 октября, является не только послѣдовательнымъ съ точки зрѣнія идеи политическаго прогресса, но и вполнѣ отвѣчающимъ вѣковымъ чаяніямъ народа.

Идея народнаго контроля за администраціей неразрывно связана съ идеей отвѣтственности администраціи за злоупотребленія и незакономѣрную дѣятельность предъ народнымъ представительствомъ. Правда, въ манифестѣ не выражена ясно идея министерской отвѣтственности, но все же нельзя сказать, чтобы этой идеи вовсе не содержалось въ манифестѣ. Слова «дѣйствительное участіе въ надзорѣ за закономѣрностью» даютъ извѣстное основаніе думать, что идея отвѣтственности министровъ не была чужда законодателю; участіе въ надзорѣ за администраціей тогда только будетъ дѣйствительнымъ, когда оно соединено съ правомъ народнаго представительства привлекать министровъ къ отвѣтственности. Мысль эта элементарна, и едва ли есть надобность ее доказывать. Къ сожалѣнію, это положеніе манифеста остается до сихъ поръ не реализованнымъ; хотя народное представительство и допущено къ участію въ надзорѣ за администраціей въ формѣ пользованія правомъ запросовъ, но самое право это, какъ извѣстно, обставлено условіями, умаляющими его значеніе, а затѣмъ, не будучи соединено съ правомъ привлеченія къ отвѣтственности лицъ виновныхъ въ незакономѣрной дѣятельности, это право остается какъ своего рода nudum jus и о д ѣ й с т в и т е л ь н о м ъ участіи въ надзорѣ при этихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Для всякаго сколько нибудь знакомаго съ политической исторіей народовъ совершенно понятна причина этого явленія. Институтъ конституціонной отвѣтственности министровъ вездѣ развивался съ большимъ трудомъ. Отвѣтственность министровъ, при назначеніи ихъ монархомъ, косвенно обозначаетъ собою отвѣтственность самого монарха; она ослабляетъ узы, соединяющія монарха и министровъ, и ставитъ не только законодательство, но и самое управленіе въ зависимость отъ народнаго представительства. Такой порядокъ вещей, совершенно послѣдовательный и правильный съ точки зрѣнія общей идеи политическаго прогресса, противорѣчитъ, однако, исторически укоренившимся сословнымъ традиціямъ монархическаго режима, вслѣдствіе чего смѣна старыхъ началъ новыми встрѣчаетъ существенныя затрудненія, устраненіе которыхъ требуетъ иногда очень продолжительнаго времени. Положеніе манифеста 17 октября о дѣйствительномъ надзорѣ за администраціей, разсматриваемое съ политико-психологической точки зрѣнія, весьма знаменательно и многообѣщающе. Несмотря на историческія сословныя традиціи, манифестъ устами монарха возвѣщаетъ о необходимости народнаго контроля за администраціей; вполнѣ вѣроятно, что обнародованію этой великой идеи предшествовалъ цѣлый комплексъ разнообразныхъ психологическихъ переживаній, не чуждыхъ нѣкоторой доли

трагизма; и вѣра въ силу и непреложность политическаго прогресса, и сознаніе безсилія бороться съ исторически развившимися язвами безправія, и идея общественнаго служенія, и опасенія за неприкосновенность вѣками упроченныхъ привилегій — все это могло входить въ сознаніе законодателя прежде, нежели манифестъ сдѣлался общимъ достояніемъ. Но лишь только идея контроля за администраціей, высказанная съ высоты престола, сдѣлалась народнымъ достояніемъ, она сейчасъ должна была пустить глубокіе ростки въ народномъ сознаніи, должна была пріобрѣсти политико-культурное воздѣйствіе на психику народныхъ массъ; и пусть манифестъ въ этомъ, какъ и въ другихъ пунктахъ, еще не реализованъ въ законодательствѣ и администраціи, его реализація происходитъ въ народной психикѣ, въ развитіи въ народѣ пониманія своихъ правъ и чувства законности. Морально манифестъ реализуется и въ нѣдрахъ самой администраціи. Все это подготовляетъ прочныя основы для будущей организаціи народнаго контроля и правомѣрнаго административнаго режима.

Таково, въ краткихъ словахъ, политико-культурное значеніе манифеста 17 октября. Опредѣлить сколько-нибудь точно размѣры этого вліянія, конечно, невозможно, но что оно есть, что оно непрерывно совершается, что политическое самосознаніе русскаго народа движется впередъ быстрымъ темпомъ, въ этомъ нетрудно убѣдиться каждому сколько-нибудь вдумчивому наблюдателю общественной жизни и общественныхъ настроеній. Это вліяніе манифеста тѣмъ болѣе понятно, что, въ связи съ манифестомъ и какъ результатъ его появились, многочисленные законодательные акты, имѣвшіе въ виду хотя бы частичную реализацію манифеста, а равно возникли новыя законодательныя учрежденія, которыя, несмотря на всѣ ихъ несовершенства, выработываютъ въ обществѣ законодательный навыкъ и своей дѣятельностью даютъ богатую пищу народному уму, вліяя на ростъ его политическаго сознанія.

На ряду съ манифестомъ 17 октября 1905 г. мы могли бы поставить только одинъ манифестъ — это манифестъ 19 февраля 1861 г. Какъ этотъ послѣдній создалъ личную свободу русскаго народа, такъ манифестъ 17 октября положилъ основы для развитія свободы гражданской и политической.

В. В. Ивановскій.

Отдѣльный оттискъ изъ журн. «Юридическій Вѣстникъ» 1915 г., кн. XI (III).

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко. Москва, Воздвиж., Крестовозд. пер., д. 9.